

В отличие от дела госпожи Горлон, ее муж все-таки потратил некоторое время на планирование, но его замысел оказался слишком сложным и оставил слишком много улик.

Если бы статус госпожи Горлон не так сильно отличался от обычных жертв Убийцы с лентой, Орвицка и не выделил бы это дело.

Все три (а на самом деле четыре) убийства, скорее всего, были импульсивными преступлениями, совершенными под влиянием новостей. Преступники не утруждали себя тщательным планированием, оставив множество улик, а одна женщина даже выжила.

Просмотрев краткие отчеты о вскрытии и протоколы с мест преступлений, присланные вместе с телами, Орвицка не хвастался - он действительно уже определил примерный круг подозреваемых по двум делам. Технологии расследования в эту эпоху были примитивны, но и уровень преступников тоже оставлял желать лучшего.

- Это просто... Вы действительно выдающийся офицер! - Розенберг был слегка разочарован, возможно, решив, что Орвицка слишком самонадеян?

Орвицка был абсолютно уверен в себе, но сейчас ему нужно было произвести впечатление на Розенберга. Такое хвастовство он позволит себе лишь раз, впредь - ни-ни.

- Поехали, - кроме репортера, Орвицка взял с собой Ивира, Большого Мака и брата Шультона. Сам Байди Шультон остался в участке - ему предстояло допросить еще очень много преступников и оформить бесчисленное множество показаний.

Кроме того, на этот раз он не забыл рассадить всех по нескольким полицейским экипажам и прихватить с собой тюремную карету.

Улица Хантворт в районе Ракушек. Здесь жила жертва, госпожа Тоддлер, женщина почти пятидесяти лет. Сегодня около часа дня ее тело, брошенное у задней двери дома, обнаружил сосед.

Госпожа Тоддлер получила сильный удар по затылку. Поскольку в ее волосах нашли древесные щепки, орудием, вероятно, была какая-то деревянная палка. На теле имелись ряды следов от

ударов палкой, возможно, той же самой. Так как раны на теле были относительно четкими, подозрение пало на палку с круглым концом толщиной в два пальца.

Кроме того, на ее шее была повязана старая черная кружевная лента.

Полицейский экипаж остановился. Выйдя, Орвицка увидел толпу зевак у лестницы дома госпожи Тоддлер. В центре толпы, на второй ступеньке, стоял мужчина лет тридцати. На нем было полуновое черное суконное пальто, на сальных волосах - весьма модная маленькая круглая шляпа, а на ногах - начищенные до блеска черные кожаные туфли. Однако в руке он сжимал старую трость, нижний конец которой был обломан, обнажая белую древесину.

- О, моя мать, моя бедная мать! Мне следовало жить с тобой, тогда бы ты не пострадала так ужасно! - мужчина картинно всхлипывал. Окружающие либо утешали его однообразными фразами, либо возбужденно рассказывали соседям, как они нашли тело в заднем дворе. Кто-то восхвалял бравых полицейских в красных мундирах. В общем, царил полнейший хаос.

Люди были так увлечены разговорами, что даже не заметили прибытия полиции, пока Орвицка не положил руку на плечо человека на краю толпы.

Голоса мгновенно смолкли. словно утки, которым зажали клювы, они поспешно расступились, освобождая дорогу.

- Господа полицейские, есть какие-нибудь находки? О, моя бедная матушка! - воскликнул мужчина на ступеньках, заметив Орвицку.

- Да, кое-что мы нашли. Не могли бы вы показать мне вашу трость, сэр? - Орвицка протянул руку к мужчине.

- Мою трость? Зачем вам моя трость? - нервно спросил тот.

- Это кровь? - Орвицка указал на трость. - Я еще вижу волосы и кусочки кожи...

Мужчина мгновенно спрятал трость за спину.

- Вы слишком невежливы, господин полицейский! Вы... вы намекаете, что я убил свою бедную мать? - он запаниковал.

Актерское мастерство господина Горлона было на уровне кинозвезды, а этот парень - полный профан. Его действия выдали его с головой. Не только полицейские, но и окружающие зеваки, хоть и расступившиеся, но все еще наблюдавшие с нескрываемым любопытством, все поняли.

- Боже! Этот скот убил собственную мать!

- Он что, изнасиловал свою мать?! - раздалась возмущенные возгласы.

Обычное убийство могло и не вызвать такого гнева толпы, но то, что мужчина сделал со своей матерью, нарушало все мыслимые нормы человечности, морали и религии, задев самые глубинные чувства окружающих.

- Нет, это не я! Я не делал этого! Эту... эту трость я просто подобрал! - закричал он в панике.

- Тогда отдайте мне трость, - спокойно повторил Орвицка, снова протянув руку. Но мужчина опять спрятал ее за спину.

- Ах ты, зверь! - не выдержав, кто-то из толпы бросился вперед, хватая мужчину. Его пример вдохновил остальных, и разъяренные люди ринулись к нему со всех сторон.

Бум! Грохот напугал Орвицку, он даже подумал, что кто-то выстрелил. Оказалось, это помощник Розенберга делал снимок... Звук вспышки был громче выстрела.

Видя, как мужчину схватили за волосы, нанесли несколько ударов, разорвали одежду, Орвицка наконец вместе с полицейскими бросился разнимать толпу и несчастного племянника. Трость закономерно оказалась в руках Орвицки.

На ней не было ни волос, ни кожи, но следы крови действительно имелись. А найденные на теле жертвы щепки вполне могли совпасть с обломанным белым концом трости.

Тем не менее, Орвицка все же бросил взгляд на Ивира-полицейскую-ищейку-Кисию. Ивир едва

заметно моргнул.

- Отведите его в тюремную карету, - приказал Орвицка патрульным, - он получит по заслугам!

- Господин офицер, так это и есть Убийца с лентой? - спросил кто-то из толпы.

- Нет, это не он, - ответил Орвицка, - он всего лишь злобный глупец, прикрывающийся именем дьявола.

- Убейте его!

- Он должен умереть!

- Поймайте настоящего Убийцу с лентой! - закричали люди.

Орвицка сказал еще несколько слов, успокоив толпу, и только потом вошел в дом покойной.

- Разве убийцу уже не нашли? - Розенберг с любопытством последовал за ним.

- Нашли, но улик пока недостаточно, - пояснил Орвицка. - Трость действительно могла быть подобрана, как он и сказал, а его поведение можно объяснить чрезмерным испугом.

- Вы действительно удивительный... полицейский, - пробормотал Розенберг.

Орвицка почувствовал, что тот скорее хотел сказать "представитель Рода Крови". Он даже сложил губы для первого звука этого слова, но так и не произнес его.

Хотя Орвицка был здесь впервые, планировка большинства домов была схожей. Он направился в гостиную, но ничего не нашел. Затем поднялся на второй этаж, в главную спальню. Как только дверь открылась, все поняли, что нашли место преступления.

На полу валялись разорванное женское платье и старый мужской костюм в пятнах крови. Стул перед туалетным столиком был опрокинут, все ящики выдвинуты. В одном из ящичков, полном лент, многие были выдернуты - видимо, их доставали слишком грубо.

Шкаф был открыт, внутри висела мужская одежда. Глядя на нее, Орвицка испытал жуткое чувство - неужели мужчина жил со своей матерью?!

- Это, должно быть, одежда покойного мужа госпожи Тоддлер, Джорджа, - Ивир заметил выражение лица Орвицки и, взяв с комода рамку с фотографией, протянул ему.

Судя по нарядам на фото, это была свадебная фотография. Молодая женщина в белой фате с букетом в руках сидела на стуле, а красивый молодой джентльмен стоял позади нее. В ту эпоху на свадебных фото обычно смотрели прямо в объектив, но на этой фотографии невеста прикрыла пол-лица букетом и украдкой повернулась к жениху. Джентльмен же как раз наклонил голову к ней, и на его лице играла глуповатая улыбка, немного портившая его красивое лицо...

В тот момент они, несомненно, были счастливой парой.

Узор на рамке был стерт от частого прикосновения - след долгих одиноких лет госпожи Тоддлер.

Орвицка вздохнул и подошел к шкафу. Действительно, одна вешалка была пуста, одна коробка для обуви и одна шляпная коробка тоже были пусты. В ящике с ремнями не хватало одного ремня, а в шкатулке с запонками - одной пары. Вся эта одежда хранилась в шкафу очень бережно.

На ком сейчас эта одежда, можно было догадаться, даже не включая мозг. Поскольку покойный джентльмен не имел привычки пользоваться тростью, этот тип не стал менять и ее. Теперь улик было более чем достаточно.

- А если он скажет, что когда вошел, госпожа Тоддлер была уже мертва, и им просто овладела жадность... Ах, это я зря, - Розенберг хотел было подловить Орвицку, но не успел договорить, как сам рассмеялся. Все-таки перед ним был представитель Рода Крови, стремящийся к истине.

Мужчина, очевидно, был единственным наследником госпожи Тоддлер. Если бы ее убил кто-то другой, ему достаточно было бы заявить об убийстве. Не было нужды "любезно" скрывать следы за убийцу и подставлять других.

- Похоже, он не ее сын... - Орвицка снова взглянул на фотографии на комод.

Там были одиночные фото молодого джентльмена, их совместные фото с пикника, с бала в вечерних нарядах и так далее, но ни одной фотографии беременной женщины или младенца.

- Действительно, - Розенберг посмотрел на фотографии и кивнул, велел помощнику "бахнуть" вспышкой и в сторону комода. Вспышка фотоаппарата заставила Орвицку прищуриться, а магниевый порошок разлетелся повсюду.

- Пожалуйста, не публикуйте лицо жертвы в газете, - попросил Орвицка. - Вырежьте его.

- Хорошо, я сделаю это, - Розенберг почувствовал, что его любопытство к Орвицке теперь даже сильнее, чем к самому делу. "В какой же среде вырос этот представитель Рода Крови?"

Спустившись вниз, Орвицка расспросил соседей, все еще толпившихся у дома и проклинавших убийцу. От них он узнал, что убийца не был родным сыном госпожи Тоддлер, а ее дальним племянником.

- В те времена вдовы еще не имели права наследования, - пояснила одна пожилая соседка. - Джордж и Бетани прожили в браке три года, и он тяжело заболел. Кто бы мог подумать? Им пришлось усыновить этого ребенка. Тьфу! В семье разорившегося негодяя не родится ничего хорошего!

Был ли мужчина действительно сыном разорившегося негодяя, соседи не знали, просто проклинали его так.

Джентльмен заболел пневмонией. Хотя он и оставил завещание жене, это было ненадежно. В ту эпоху, хотя женщины из высших слоев общества и обладали некоторой автономией, стоило спуститься чуть ниже по социальной лестнице, и они лишались всех прав.

В Священном Писании было ясно сказано: "Жена должна быть кроткой, повиноваться мужу своему, удовлетворять его нужды и рожать как можно больше детей. Если ко времени смерти мужа жена бездетна, не мать, она не является достойной женой".

Далее следовал отрывок: "Бездетную вдову следует раздеть донага, избить плетьюми и выгнать из дома, пока новый мужчина не согласится принять ее. Тогда она должна пасть ниц, поцеловать ноги нового мужа и возблагодарить его за милосердие".

Поэтому во многих героических легендах соратники героя перед смертью поручали своих жен герою, чтобы избавить их от унижительной пытки.

Лишь более двухсот лет назад, в эпоху великих войн, когда молодых вдов стало слишком много, чтобы всех бичевать, а мужчин - слишком мало, чтобы забрать каждую женщину, и множество молодых женщин были забиты до смерти, один из Пап наконец удалил эту фразу. Он заявил, что ее тайно добавил в Священное Писание дьявол, а не милосердный Бог Света. Бог Света не мог видеть страданий живых, поэтому послал ангела передать ему весть.

Так эта фраза была стерта, и вдовы наконец перестали умирать под плетьюми. Бог Света воистину милосерден.

Однако до сих пор в некоторых деревнях сохранялся этот дикий обычай. И не только десять с лишним лет назад, но и сейчас многие выгоняли вдов из дома, даже тех, у кого были дети.

Возвращаясь к делу: племяннику было двенадцать лет, когда его усыновили. Госпожа Тоддлер хорошо к нему относилась, наняла домашних учителей, устроила в школу. Но в пятнадцать лет он уже начал якшаться с уличными девками, пристрастился к алкоголю, даже приводил таких женщин домой, устраивал гулянки в особняке, научился воровать деньги, за что и был изгнан госпожой Тоддлер.

Поначалу, будучи изгнанным, он возвращался и просил прощения, и госпожа Тоддлер начала искать ему работу.

Мужчине, знавшему грамматику и основы счета, было легко найти несложную работу. Однако он не задерживался дольше двух недель, его увольняли за воровство, прогулы, домогательства к сотрудницам и тому подобное. Каждый раз он возвращался, преследовал госпожу Тоддлер и выпрашивал деньги.

Результат был закономерен: госпожа Тоддлер мертва.

Умирая, тот джентльмен и подумать не мог, что опора, которую он так старательно устроил жене, станет ее убийцей.

Дело раскрыто. Орвицка уже собирался сесть в карету, но его остановил Ивир. Большой Мак тоже стоял рядом с Ивиром и выразительно смотрел на Орвицку. Тому пришлось жестом предложить репортеру Розенбергу сесть в карету первым.

- В чем дело? - удивленно спросил Орвицка. "Как эти двое успели спеться?"

- Это документы на дом, - пояснил Ивир. - Но нам все равно нужно оставить здесь людей.

- ??? - Орвицка растерялся. Он что-то упустил? Какие еще документы на дом?

- Когда у имущества нет наследников, оно должно перейти в собственность районной управы, - вмешался Большой Мак. - Если оно нужно государственным органам, то становится государственной собственностью или выставляется на аукцион. Обычно этим занимаются полицейские участки каждого района. После продажи имущества мы можем получить не менее десяти процентов.

- О(оωо), - глаза Орвицки загорелись. Будучи бедняком, при разговоре о деньгах он тут же оживился.

Убийца был дальним племянником госпожи Тоддлер, значит, у супругов Тоддлер должны были быть кровные родственники. Но поскольку она не оставила завещания с указанием наследника и не нанимала адвоката, поиск наследников также ложился на плечи полиции.

Так что... кхм! Все всё поняли.

- Но это район Ракушек, - напомнил Орвицка.

Этот особняк был меньше дома Орвицки и уже довольно старый. Обои в гостиной облупились, к тому же здесь произошло жестокое убийство. Но он находился в районе Ракушек, а в ту эпоху люди не особо обращали внимание на то, было ли в доме совершено преступление. Так что дом можно было продать примерно за 1500 золотых гербов, а на аукционе, возможно, и за 2000.

Поскольку дом достался участку исключительно благодаря расследованию дела в другом районе, можно было побороться и получить двадцать-тридцать процентов. Тогда каждый получил бы как минимум 1 золотой герб - немалые деньги.

Но участок Рыбьего Хвоста мог мечтать сколько угодно, разве район Ракушек так просто отпустит добычу, проявив дружелюбие и солидарность?

- Но это дело расследуем мы, - твердо сказал Ивир. - И документы на землю у нас.

- Я понял. Большой Мак, останься здесь с пятью людьми, - распорядился Орвицка.

Большой Мак и сам собирался это предложить.

- Конечно! Я присмотрю за домом! - заверил он.

- Скажите им, что это место преступления, здесь наверняка еще есть улики, - инструктировал Орвицка. - До полного завершения дела посторонним вход воспрещен. Иначе, если Убийцу с лентой не найдут, это будет их вина - уничтожение улик и порча вещественных доказательств. Хотя, - он вздохнул, - это может и не сработать... Если они решат действовать силой, это все-таки их территория. Ваша собственная безопасность важнее всего.

- Конечно! - Большой Мак кивнул и позвал нескольких патрульных, но не братьев Кадо. "Значит ли это, что он окончательно признал братьев Кадо моими людьми?" - мелькнула мысль у Орвицки.

Об этом не стоило долго думать. Пора было переходить к следующему делу.

- Вы уже знали, что племянник - убийца, когда были в участке? - Розенберг, сидевший в той же карете, не стал спрашивать, чем Орвицка занимался внизу. Его интересовало другое.

- Когда я был в участке, я еще не знал, что у этой дамы есть племянник-наследник. Но было очевидно, что она из состоятельной семьи. Убийство женщины такого возраста часто связано со спорами о наследстве, - пояснил Орвицка.

- Похоже... действительно так, - неизвестно, о чем подумал Розенберг, но он весьма одобрительно закивал.

Они ехали по порядку, от ближайшего к дальнему, поэтому вторым делом оказалось место обнаружения третьей жертвы - женщины с чулком на шее, предположительно уличной девки.

Она погибла на улице Бендер, на границе районов Ракушек и Утун. Выйдя из кареты, Орвицка ощутил дежавю - это место очень напоминало улицу Длинной Канавы, но было еще более хаотичным.

Днем на улице Длинной Канавы празднующихся обычно не видно. Мужчин, не способных найти работу самостоятельно, организовывала банда Крюка - пусть они и выполняли самую грязную и тяжелую работу в доках, но хотя бы имели доход. Уличные девки под защитой членов банды вместе ездили на общественном конном омнибусе на другие улицы. Даже "обслуживая" местных клиентов, сделки совершались в темных переулках.

На улице Бендер же по обеим сторонам стояли мужчины, курившие, прислонившись к стенам, и ходили женщины, закутанные в шали.

Именно по этому делу Орвицка не был уверен в круге подозреваемых. Вероятнее всего, это было импульсивное преступление, когда убийца выбрал жертву случайно. Был ли он намеренно подражал Убийце с лентой - тоже вопрос, ведь чулок на шее жертвы был и орудием удушения.

Возможно, полицейские района Ракушек просто поленились расследовать и спихнули это убийство участку Рыбьего Хвоста.

Тело было найдено в переулке. Слева находилась гостиница под названием "Милашка", справа висела вывеска "Дом Джона".

Лицо Орвицки мгновенно помрачнело. Этот Дом Джона был заведением того же типа, что и Дом Бутте, который он прикрыл. Но ничего не поделаешь: это был не родной участок Рыбьего Хвоста и не бесхозный Черный район. К тому же сейчас был день, он не мог повторить с Домом Джона то же, что сделал с Домом Бутте.

- Позовите хозяев обоих заведений, - приказал он патрульным.

Те забарабанили в двери, и вскоре вышли оба хозяина.

- У ваших дверей нашли мертвую женщину, - Орвицка посмотрел на них в упор. - Есть что сказать?

Хозяин гостиницы заискивающе улыбнулся, держа в грязной руке монету в 2 айко, и попытался сунуть ее Орвицке:

- Господа полицейские, мы честные торговцы и ничего не знаем ни о каком убийстве.

Хозяин Дома Джона, назвавшийся Джоном, оказался хитрее:

- Я видел такого человека. Он хромым, левое плечо выше правого, одет в грязную куртку, волосы черные. Я видел, как он подозвал эту несчастную женщину и увел ее в переулок. Я слышал женский крик, но, знаете ли, здесь повсюду женские крики. Я подумал, что они просто... - он сделал непристойный жест. - Кто бы мог подумать? Этот мужчина, надругавшись над несчастной женщиной, просто ушел. Когда следующий мужчина привел туда женщину, он и обнаружил, что она мертва.

Хозяин гостиницы уже убрал руку с зажатыми 2 айко и тут же закивал:

- Да, да, да! Я тоже видел, это было так ужасно. Эти люди, лишь бы сэкономить пол-айко на комнате, такие скупые. Моя гостиница могла бы их защитить.

- Правое плечо выше левого? - уточнил Орвицка у Джона.

Джон на мгновение замер.

- Да, да, да, правое выше левого, - поспешно согласился он, - он был таким уродливым, ужасным типом.

- Правда? Но вы только что сказали, что левое плечо выше правого, - Орвицка пристально посмотрел на него. - Забирайте их. Не только их двоих, но и всех управляющих из обоих заведений. Всех доставить в участок.

- Нет, нет, нет, я просто оговорился! Оговорился! - завопил Джон.

Орвицка жестом приказал патрульным временно отпустить его.

- Тогда скажите мне, какого цвета были волосы у того мужчины?

- Черные! - уверенно заявил Джон.

- Ошибаетесь, - Орвицка торжествующе улыбнулся. - Вы только что сказали, что каштановые.

- Каштановые? Не может быть... - Джон хотел возразить, но все полицейские смотрели на него с выражением "ты неправ". Ему пришлось усомниться в собственной памяти. - У него не каштановые волосы, а черные, он...

Джон замолчал. "Отлично, этот парень не просто выдумывал. Часть его слов была правдой. Он видел убийцу, возможно, даже знал его", - понял Орвицка.

- Забирайте, - Орвицка махнул рукой. - Ах, да, - он положил руку на плечо Джона и злорадно прошептал. - Дорогой Джон, надеюсь, когда вас выпустят, ваш дом все еще будет вашим.

В таких захудалых местах конкуренция была чрезвычайно жесткой. Если этих двух хозяев запереть на десять дней или полмесяца, то к их освобождению оба заведения давно сменили бы владельцев.

Оба хозяина поняли это и тут же принялись умолять. Но то, что они говорили сейчас, конечно, все еще было ложью. Орвицка их проигнорировал.

<http://bllate.org/book/17916/1715814>